

Письмо прусскаго принца Вильгельма, впоследствии императора германскаго Вильгельма I, къ своему брату, принцу Карлу, изъ Россіи передъ русско-турецкой кампаніей 1828 года.

Всѣ балканскія событія и вытекающее послѣдовательно изъ нихъ рѣшеніе пресловутаго „Восточнаго вопроса“ представляютъ съ давнихъ поръ тотъ заколдованный кругъ, изъ котораго европейская дипломатія тщетно старается найти одобряемый большинствомъ державъ выходъ. Ни одна изъ предложенныхъ въ продолженіи 200 лѣтъ формулъ для окончательной ликвидаціи наслѣдства послѣ ожидаемаго развала оттоманской имперіи не могла быть примѣнима въ виду явнаго недоброжелательства, недовѣрія и страха, проявленныхъ въ самый рѣшительный моментъ нѣкоторыми западно-европейскими государствами по отношенію къ Россіи, какъ руководящей и наиболее заинтересованной въ этомъ важнѣйшемъ вопросѣ державы. Разногласіе во взглядахъ и мнѣніяхъ на „Восточный вопросъ“, господствующее между Россіей и балканскими христіанскими народами съ одной стороны, и европейскими державами съ другой, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что для первой группы народовъ онъ является *историческимъ* въ самомъ широкомъ значеніи слова, а для всѣхъ остальныхъ *чисто политическимъ*. Однимъ изъ наиболее благопріятныхъ историческихъ моментовъ покончить навсегда съ злосчастнымъ восточнымъ вопросомъ былъ періодъ, наступившій съ возстаніемъ всего греческаго населенія въ 1821 году противъ османскаго владычества вплоть до объявленія въ апрѣлѣ 1828 г. Россіей Турціи войны и заключенія Адрианопольскаго мира. Никогда.

общественное мѣніе Европы и всего цивилизованнаго міра ни до, ни послѣ похода 1828 г. не было такъ единодушно настроено въ пользу изгнанія турокъ изъ Европы, какъ въ ту пору. На Россію и императора Николая I смотрѣли, какъ на заступниковъ всего христіанства и европейской цивилизаціи. Увлеченіе элленизмомъ охватило тогда все образованное общество. Шатобрианъ и Байронъ поддерживали пламенный энтузіазмъ, вызванный геройской борьбой грековъ за освобожденіе родины отъ варварскаго и иновѣрческаго ига. Глава англійскаго кабинета, лордъ Каннингъ, воспользовался настроеніемъ Европы и заключилъ съ русскимъ правительствомъ въ 1826 году тайный уговоръ, въ силу котораго обѣ державы обязались создать изъ греческихъ земель полунезависимое и остающееся подъ турецкимъ суверенитетомъ государство. Этотъ весьма искусный шагъ Каннинга заслуживалъ особаго признанія и похвалы въ виду очевиднаго нерасположенія Императора Николая I стать въ защиту *взбунтовавшихся* противъ своего законнаго государя грековъ. Меттернихъ, такъ умѣло использовавшій страхъ Императора Александра I передъ революціей, придалъ въ самомъ началѣ греческаго возстанія ему характеръ опаснаго для спокойствія Европы бунта, могущаго легко перебросить пламя мятежа и въ другія государства. Благодаря только интригамъ и запугиваніямъ австрійскаго канцлера, преисполненнаго трудно объяснимымъ туркофильствомъ, Европа вмѣшалась слишкомъ поздно въ греко-турецкія распри. Въ Аккерманскомъ договорѣ султанъ Махмудъ вынужденъ былъ выполнить всѣ предъявленныя Россіей требованія касательно защиты христіанъ. Во время дипломатическихъ переговоровъ между Англіей, Россіей и Турціей, на полуостровѣ Мореѣ вспыхнуло вновь усиленное возстаніе. Здѣсь свирѣпствовалъ пасынокъ египетскаго Хедива, Ибрагимъ-Паша со своими африканскими полчищами. Этотъ дикій предводитель чернокожей орды отговаривалъ султана Махмуда отъ принятія англо-русскихъ предложеній, суля въ непродолжительномъ времени *умиротворить* всю Грецію весьма простымъ способомъ, посредствомъ поголовнаго истребленія всего мужского населенія. Тогда Каннингъ выступилъ вторично въ роли заступника Греціи.

Онъ отправился въ Парижъ и приготовилъ почву для Лондонскаго договора, состоявшагося въ іюль 1827 г. Согласно этому договору Россія, Франція и Англія обязались прекратить, въ случаѣ надобности даже силою оружія, кровопролитіе между возставшими греками и турками и создать изъ Греціи авто-

номное государство. Историкъ Трейтчке, посвящая этому событію особую главу въ своей „Исторіи возникновенія Германской имперіи“, говоритъ слѣдующее: „Опубликованное соглашеніе между тремя великими державами встрѣчено было всѣмъ цивилизованнымъ міромъ съ нескрываемою радостью. Наступилъ крайній срокъ для давно ожидаемаго пробужденія христіанскаго сознанія и чести, въ силу которыхъ нельзя было безучастно смотрѣть, какъ цѣлая орда кровожадныхъ африканскихъ псовъ истребляла христіанскій народъ на европейскомъ материкѣ“. Лордъ Каннингъ умеръ раньше, нежели удалось ему выполнить задуманный планъ. Наваринскій бой далъ Греціи автономію, но вызвалъ у англичанъ старыя опасенія на счетъ черезмѣрнаго усиленія Россіи на морѣ. При открытіи парламента въ 1828 году, король Георгъ назвалъ Наваринскій бой „нежелательнымъ событіемъ“. Въ виду такого двойственнаго отношенія къ интересамъ христіанскаго населенія Балканскаго полуострова со стороны Англій и даже Франціи, не говоря объ Австріи, Императоръ Николай Павловичъ рѣшился дѣйствовать независимо. Притѣсненія христіанъ и оскорбительное поношеніе державъ султаномъ Махмудомъ, а въ особенности убійство въ полномъ облаченіи греческаго патріарха на улицахъ Константинополя послужили поводомъ къ объявленію войны. Въ означенное знаменательное время въ Петербургѣ гостилъ уже въ третій разъ прусскій принцъ Вильгельмъ, второй сынъ короля Фридриха Вильгельма III и братъ Императрицы Александры Ѳеодоровны, супруги Николая I. Принцъ Вильгельмъ прибылъ въ декабрѣ 1827 г. и остался до середины мая 1828 г. Объ этомъ пребываніи молодого принца, такъ искренно симпатизировавшаго всему русскому, сохранилось характерное письмо, посланное имъ своему брату, принцу Карлу. Судя по содержанію письма, можно дѣлать нѣкоторые безошибочные выводы относительно политическаго настроенія, господствовавшаго въ придворныхъ, правительственныхъ и военныхъ кругахъ Пруссіи тогдашняго времени. Принца Вильгельма сопровождалъ его адъютантъ полковникъ Леопольдъ фонъ Герляхъ, впоследствии интимный другъ Короля Фридриха Вильгельма IV. Изъ воспоминаній Герляха мы узнаемъ, что консервативно-феодалная партія раздѣляла въ вопросахъ внѣшней политики всецѣло взгляды и убѣжденія Меттерниха, слѣдовательно, относилась несочувственно къ затѣянной Россіей войнѣ. Дворъ, съ нерѣшительнымъ и не особенно дальновиднымъ королемъ во главѣ, не зналъ, какого направленія держаться, боясь навлечь на себя нерасположеніе

одной изъ тайно враждующихъ между собой великихъ державъ. Только армія и принцъ Вильгельмъ стояли открыто и рѣшительно на сторонѣ Россіи, считая ея дѣло общеевропейскимъ, общехристіанскимъ. Герляхъ сообщаетъ, что по мнѣнію принца Вильгельма, высказываемаго имъ всюду безъ стѣсненія, турокъ слѣдовало бы изгнать изъ Европы или, если это невозможно, то по крайней мѣрѣ окончательно освободить грековъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ принцъ написалъ королю-отцу, что Императоръ Николай Павловичъ предложилъ ему принять участіе въ походѣ противъ Турціи и что онъ спрашиваетъ на это соизволеніе отца. Послѣ долгаго молчанія, король не разрѣшилъ своему сыну принять приглашеніе русскаго Императора, изъ соображеній оставшихся неизвѣстными, но ключъ къ которымъ нужно искать въ опасеніяхъ, исходящихъ изъ Вѣны и отчасти изъ Лондона. Король боялся слишкомъ демонстративнаго проявленія симпатій къ Россіи со стороны одного изъ членовъ своей семьи. Письмо къ младшему брату принца Вильгельма относится къ времени ожиданія отца изъ Берлина на запросъ касательно участія въ походѣ. Странно, что это письмо, появившееся къ столѣтнему юбилею дня рожденія германскаго Императора Вильгельма I (тогдашняго принца Вильгельма) въ журналѣ Максимилиана Гардена *Die Zukunft* въ мартѣ 1897 г., прошло совершенно незамѣтно въ русской печати, несмотря на то, что въ немъ есть указанія на нѣкоторые до сихъ поръ абсолютно неизвѣстные факты изъ повседневной жизни русскаго двора. Мы даемъ по возможности точный переводъ, не исправляя даже явныя ошибки при поименованіи русскихъ лицъ и фамилій и не измѣняя правописаніе нѣкоторыхъ словъ, взятыхъ изъ французскаго.

Peterhoff d. 18/30 April 1828.

Für Deinen letzten Brief, in welchem Du mir von der Taufe Deines Herrn Sohn's sprichst, habe ich Dir noch zu danken. Es muß ein schöner Tag für Euch gewesen sein, zu dem ich so gern zurückgekehrt wäre, wenn nicht Mahmud uns und namentlich mich zu sehr beschäftigte. Von Posttag zu Posttag erwartete ich Papas Antwort auf mein Kriegsgesuch, erhielt aber noch immer keine, u. nur Indicien, daß er keine sonderliche Lust hat, mir die so schmerzlich erwartete Erlaubniß zu geben. Schlägt er es ab, so wäre ich untröstlich; denn solch eine Gelegenheit kommt nicht wieder; Einmal ein solcher Krieg u. zweitens, daß ich noch allein in der Welt in diesem Augenblick stehe, sind Ver-

hältnisse die für mich zu günstig sind, um sie nicht mit Macht zu ergreifen.

Der Ausmarsch aller Garde Regimenter both uns einen herrlichen Anblick dar, daneben aber auch ein unzertrennliches Gefühl, von der hohen Wichtigkeit dieses Ereignisses! Truppen, die in den Krieg ziehen, haben für jeden Soldaten einen eigenthümlichen Reiz; wie vielmehr, wenn man sie für eine so eigenthümliche Veranlassung ziehen siehet, — nicht wissend, was nicht noch Alles eintreten mag, bevor sie ihren weiten Marsch bis zur Grenze vollendet haben! —

Gestern war grosse Parade der chevalier G^d, der Garde à cheval und der Cuirassier der Kaiserin auf dem champ de Mars. Die Truppen waren über die Begriffe schön, u. Alles versicherte, daß diese Division seit einem Jahr unglaublich sich vervollkommen habe. Wer sie kannte, wird dies in der Entfernung kaum glauben! sie war magnifique. Das Wetter herrlich ohne Wind. Es wurde die Front runter geritten: Alles in Regiments-Divisions-Colonnen. Dann ward in Zügen im Schritt vorbeimarschirt; darauf in $\frac{1}{2}$ Escadre im Trabe und zuletzt in ganzen Escadrons im Galopp. — Morgen ist dieselbe Parade noch Einmal für beide Kaiserinnen.

Ich bin mit Charlotte, seit 1 Stunde hier, nachdem wir die arme Helene bis Strelna gebracht hatten, die heut ihre grosse, lange Reise antritt. Sie hat sich in den letzten Wochen augenscheinlich erhohlt, aber nichts destoweniger ist ihre Gesundheit physisch und moralisch untergraben; man kann ihre Lage nicht ohne die tiefste Theilnahme betrachten; vielleicht wird die Reise ihre Gesundheit und ihre Lebensfreude wieder anfachen; aber bei der Rückkehr hierher, wird so Vieles wieder auf sie einstürmen, daß Alles zum Alten zurückkehren dürfte; — sie hätte ein besseres Loos verdient. —

Jetzt seid ihr in voller Frühjahrs Thätigkeit mit den Truppen, sollte mir Papa befehlen zurückzukommen, um statt dem Pruth u. die Donau, den York Graben und die Nuthe zu passiren, so hätte ich freilich noch um so mehr eine frühere Entscheidung gewünscht, um an der Militärs: Bildungs Periode Theil zu nehmen; jetzt würde ich nur zur Revue eintreffen können. — In Ermanglung aller Entscheidung, habe ich müssen alle Veranstalten zur Reise nach Ismail machen lassen, um nachher nicht sitzen zu bleiben; wie unangenehm, wenn das Alles umsonst wäre! Ich würde mit Charlotte bis eine Tagereise von Mohilew gehen, und dann Tag u. Nacht bis Ismail, wo wir Alle, den $\frac{8}{20}$ May sein

müssen. Nix gehet den $\frac{25. \text{ Apr.}}{7. \text{ May}}$ u. Charlotte den $\frac{27. \text{ A.}}{9. \text{ M.}}$ von hier ab. Nix über die südlichen Caval: Colonien. Den $\frac{12.}{24.}$ May würde wir vor Brailoff die ersten Schüsse wahrscheinlich hören!!! Wilhelm v. C. begleitet den Kaiser bis Witepsk. —

Der Carnevall hat hier mehrere Parthien zu Stande gebracht unter denen Du auch mehrere Bekannte finden wirst.

1) Mary Baranoff mit dem Rittetr Pantekoff von der Cheval Garde; ein exzellenter Mensch. 2) Steph. Radziwill mit Gf. Wittgenstein; die Hochzeit der Letzteren war vorgestern bei der Kaiserin M. und nachher Ball. Was mir Alles durch den Singing bei dieser Vermählung, kannst Du denken! — 3) eine M. Kosens mit dem Ob. Essen von der Garde à cheval; 4) eine M. Chitaoff mit Gf. Tolstoy, Adj. v. Michael sind auch schon verheirathet; 5) M. Kamarofsky mit Gr. Schipoff dem kleinen Schmaofsky; l'amour n'entre pour rien dans ce mariage; sind verheirathet. 6) M. Knorring mit den sehr fitalen étonnirten Augen und Braunen, mit einem unbekanntem Pohlen; ich bewundere dabei nichts als des Mannes Geschmack! — die andern Damen sind alle charmant, wenn Du sie nicht kennen solltest.

Mit Charlotte gehet nach Odessa die Gfn. Orloff, beide Baranoffs, Sophie Medem und Sophie Urussoff. Mit Mary gehet die Mama Baranoff. Von Herren gehet Pr. Pierre Wolchonsky u. Medem mit.

Nun Adio. 1000 Herzliche an Mary und Sohn. Deinen Umgebungen viel Schönes.

Ewig

Dein treuer Bruder

Wilhelm, der Türken Fresser.

Петергофъ, 18-го (30) апрѣля 1823 г.

За твое послѣднее письмо, въ которомъ ты сообщаешь мнѣ о крестинахъ твоего сына, я долженъ еще поблагодарить тебя. Полагаю, что это былъ чудный для васъ день, къ которому я охотно бы возвратился, если бы не Махмудъ, такъ сильно занимающій насъ и особенно меня. Со дня на день я ожидаю почту съ отвѣтомъ отъ папы на мою просьбу принять участіе въ предстоящей войнѣ, но до сихъ поръ все еще ничего не получилъ, кромѣ косвенныхъ намековъ, что онъ не питаетъ особенной склонности дать, столь болѣзненно ожидаемаго мною, дозволенія. Если онъ откажетъ, то я буду безутѣ-

шенъ, ибо такой случай не подвернется вторично. Во-первыхъ, уже одна эта война, сама по себѣ, а во-вторыхъ, тотъ фактъ, что въ настоящій моментъ я нахожусь въ положеніи одинокаго, являются для меня слишкомъ благопріятными обстоятельствами, чтобы не ухватиться за нихъ всей силой. Выступленіе въ походъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ представляло великолѣпное зрѣлище, возбуждавшее въ то же время и сознаніе о чрезвычайной важности этого событія. Войска, отправляющіяся на войну, имѣютъ для каждаго солдата своеобразную прелесть, тѣмъ болѣе, когда они, какъ въ данномъ случаѣ, выступаютъ въ силу очень своеобразныхъ побудительныхъ причинъ, когда неизвѣстно, что можетъ еще случиться, пока они пройдутъ громадное разстояніе до границы. Вчера былъ большой парадъ кавалергардовъ, конной гвардіи и кирасиръ Ея Величества на *champ de Mars*. Войска блистали красотой, неподдающейся описанію, при чемъ всѣ утверждали, что эта дивизія успѣла за годъ усовершенствоваться.

Кто не зналъ, не повѣритъ издали этому! она была *magnifique*. Погода стояла восхитительная, безъ вѣтра. Сначала полки проѣхали фронтомъ въ дивизионныхъ колоннахъ, затѣмъ шагомъ взводами, потомъ полувскадронами рысью и подъ конецъ эскадронами галопомъ. На завтра назначено повтореніе парада для обѣихъ императрицъ. Я нахожусь здѣсь съ Шарлоттой ¹⁾ съ часъ тому назадъ, послѣ того какъ мы доставили бѣдную Елену ²⁾ въ Стрѣльну, откуда она сегодня отправляется въ далекое и продолжительное путешествіе. За послѣднія недѣли она видимо отдохнула, тѣмъ не менѣе здоровье ея физически и нравственно подорвано; на положеніе, въ которомъ она находится, нельзя смотрѣть безъ проявленія глубочайшаго сочувствія; быть можетъ путешествіе возстановитъ ее здоровье и пробудитъ вновь въ ней жизнерадостность, но при возвращеніи обратно сюда на нее нахлынетъ опять такъ много прежняго, что все можетъ остаться по-старому;—она заслуживала бы лучшей участи ³⁾. Вы теперь въ разгарѣ весеннихъ военныхъ упражненій съ войсками; въ случаѣ папа приказалъ бы мнѣ вернуться, дабы взамѣнъ переправы черезъ Прутъ и Дунай переходить іоркскій ровъ и Нуту ⁴⁾, то тѣмъ болѣе ожидалъ бы я заблаговременно рѣше-

¹⁾ Императрица Александра Θεодоровна, сестра принца Вильгельма.

²⁾ Великая княгиня Елена Павловна, супруга великаго князя Михаила Павловича.

³⁾ Явный намекъ на безотрадное семейное положеніе великой княгини

⁴⁾ Маленькая рѣченка, въ родѣ нашей Карповки, въ окрестностяхъ Берлина.

нѣм, чтобы принять участіе въ военно-учебномъ періодѣ; теперь же я могу прибыть только къ смотру. За отсутствіемъ всякаго опредѣленнаго рѣшенія, я былъ вынужденъ сдѣлать всевозможныя заготовленія на случай поѣздки въ Измаилъ, дабы впослѣдствіи не быть вынужденнымъ сидѣть здѣсь безъ дѣла. Какъ непріятно, если все это сдѣлано напрасно. Я отправился бы вмѣстѣ съ Шарлоттой, не доѣзжая дневнаго разстоянія до Могилева, а потомъ день и ночь до Измаила, гдѣ мы всѣ должны быть къ 8 (20) мая. Ніх ¹⁾ отправляется 25 апрѣля (7 мая), а Шарлотта 27 апрѣля (9 мая) отсюда. Ніх ѣдетъ черезъ южныя кавалерійскія колоніи ²⁾ 12 (24) мая. Передъ Браиловымъ мы, вѣроятно, услышимъ первые выстрѣлы. Вильгельмъ фонъ С. сопровождаетъ императора до Витебска. Мясоѣдъ сочеталъ здѣсь брачными узами нѣсколько паръ, среди которыхъ ты также найдешь знакомыхъ: 1) Марія Баранова съ ротмистромъ кавалергардскаго полка Пантековымъ; превосходный человекъ, 2) Стефанія Радзивилъ съ граф. Витгенштейномъ; свадьба послѣднихъ была третьяго дня у императрицы М., послѣ чего состоялся балъ. Ты можешь себѣ представить все то, что приходило мнѣ на умъ при этомъ вѣнчаніи. 3) Нѣкая m-elle Ковель съ полковникомъ конно-гвардейскаго полка Эссенъ. 4) Нѣкая m-elle Хитаова ³⁾ съ графомъ Толстымъ, адъютантомъ Михаила. 5) M-elle Комаровская съ гр. Шиповымъ маленькимъ Шмаовскимъ ⁴⁾ l'amour n'entre pour riens dans ce mariage. 6) M-elle Кноррингъ съ очень жизнерадостными глазами и удивленно-вздернутыми бровями съ неизвѣстнымъ полякомъ; меня въ данномъ случаѣ ничто не удивляетъ, кромѣ проявленія вкуса у мужчины. Всѣ остальные дамы очаровательны, въ случаѣ ты ихъ не знаешь. Съ Шарлоттой въ Одессу ѣдетъ граф. Орлова, обѣ Барановы, Софья Медемъ и Софья Урусова, съ Магі ѣдетъ мамаша Баранова, изъ мужчинъ ѣдутъ князь Петръ Волконскій и Медемъ.

Ну, Adieu. 1.000 сердечныхъ Маріи ⁵⁾ и сыну. Твоимъ окружающимъ всего хорошаго.

Навѣки твой вѣрный братъ

Вильгельмъ. Пожиратель турокъ.

М. В. Станиславскій.

¹⁾ Императоръ Николай I.

²⁾ Непонятно, какія южныя кавалерійскія колоніи подразумѣваетъ принцъ.

³⁾ Фамилія невѣсты, по всей вѣроятности, Хитаова.

⁴⁾ Несомнѣнная путаница въ именахъ.

⁵⁾ Супруга принца Карла.